

Газетная метафора и картина мира

ЛИЛЯНА ЦОНЕВА

(Велико Тырново)

Научных исследований, посвященных метафоре, как известно, очень много, и многие из них начинаются именно с подчеркивания этого факта. Тем не менее, разные стороны метафоры продолжают изучать, причем очень активно, в разных областях науки. Изучение метафоры в конце XX в. не просто активизировалось – оно перешло на качественно новый уровень. Метафора (М.) все чаще занимает центральное место в исследованиях лингвистов, философов, психологов не как “украшение речи”, а как познавательное средство, средство выражения и получения знаний о мире. Объяснимы и новые акценты в многочисленных лингвистических работах о М. – она рассматривается не как элемент художественного стиля, а как важный элемент всех стилей. Е.О. Опарина подчеркивает, что такой подход к изучению М. показывает: “...метафора является необходимым, неизбежным элементом языка, без которого человек не может обойтись” (Опарина 2000:186).

М. обычно понимается как семантический перенос, как механизм речи, состоящий в употреблении слова, называющего определенный предмет, для характеристики или названия другого предмета на базе сходства, аналогии (*Лингвистический энциклопедический словарь* 1990).

Основные элементы метафорического моделирования – это исходная понятийная область (сфера) и новая понятийная область, а также их фрагменты (фреймы). Выдающийся болгарский философ Исак Паси в прекрасной монографии “Метафората” отмечает “терминологическое изобилие”, применимое к основным компонентам М., особенно у современных англоязычных авторов. Среди них – термины фрейм и фокус, главный субъект и вспомогательный субъект (М. Блэк), область-

источник и область-цель (Дж. Лакофф и М. Джонсон). Сам он, предпочитая терминологическую простоту, называет два основных компонента М. метафоризируемое (пассивное, страдательное) и метафоризирующее (активное) (Паси 2003:541-542).

А. П. Чудинов говорит (используя опять же М.) о ментальной сфере-источнике или сфере-доноре и ментальной сфере-мишени, реципиентной сфере (Чудинов 2002 а:105).

Упомянем только и терминологическое изобилие при разграничении типов М., подробно рассматриваемых в разных работах. Естественно, разные типы М. “живут” по-разному в разных функциональных стилях, каждый из них использует М. по-своему.

М. в публицистическом стиле (ПС) или газетная метафора (ГМ) имеет свои характерные особенности. Г.Я.Солганик подчеркивает, что ее специфика “... проявляется в источниках метафоризации, в механизме и сущности (направлении) трансформации семантики лексической единицы, в характере функционирования и в стилистическом облике, качестве метафоры” (Солганик 2002: 69). ГМ дает возможность глубже или в новом свете понять сущность вещей, найти в них новые, неожиданные стороны, нередко благодаря новым и неожиданным ассоциациям. Одновременно ГМ является и оценкой, выражая позитивное или – намного чаще! – негативное отношение субъекта к называемому предмету.

Такое понимание специфики ГМ подтверждается анализом конкретных метафорических употреблений как в нашем исследовании, так и в исследованиях других авторов.

Важное качество М., и прежде всего ГМ – то, что она выражает знания о мире, специфику видения мира людьми. М., и прежде всего ГМ, дает представление о политической истории страны, конкретной политической ситуации, настроениях в обществе, иначе говоря, М. способствует понять то, что общество делает и о чем думает. К научной классике относится тезис, что язык отражает видение мира, но и влияет на него, сохраняя и передавая носителям языка определенный взгляд на мир, модель мира, картину мира, и важную роль в этом процессе играет именно М.

Хорошо известна мысль В.Н.Телия, что именно М. способна “...сделать наглядной невидимую картину мира – создать ее языковую

картину, воспринимаемую за счет вербально-образных ассоциаций составляющих ее слов и выражений” (Телия 1988:180).

М., как подчеркивает И. Паси, обогащает не мир, а человеческое восприятие мира, она открывает новые его стороны, которые могли бы остаться закрытыми. И именно это объясняет неисчерпаемые возможности М. как в повседневном общении, так и в искусстве, и в публицистике (Паси 2003: 621).

Наряду с этим М., и прежде всего ГМ, отличается и способностью внушать, навязывать обществу определенный взгляд на мир, создавая мифологемы (идеологемы) времени.

Эти, как и многие другие особенности М. обуславливают исключительную метафоричность современной публицистики. О.П.Ермакова, метафорически выражаясь, отмечает, что в публицистике “целое море метафор” (Ермакова 1996: 47). Это можно отнести не только к публицистике 80-90-х гг., о которой пишет О. П. Ермакова, но и к публицистике последних лет – “необычный метафорический бум” (Ермакова 1996: 56) можно наблюдать и сегодня.

Активное использование М. в ПС можно объяснить и игровым характером семантического переноса в основе М. – М. как семантическую неправильность, возникающую в результате специального, “нарочного” нарушения закономерностей смыслового соединения слов (Арутюнова 1979: 147), можно считать проявлением языковой игры (если языковую игру трактовать в широком смысле как необычное использование языка, как творческое преобразование формы и/или значения языковых единиц разных уровней) (Санников 1999, Цонева 2000).

М. можно определить как форму самовыражения языковой личности – в ней есть возможности для творческого использования смыслов, для “игры” смыслами. М., как подчеркивает И. Паси – самое широкое выражение творческих возможностей языка, которые сами по себе являются эквивалентом творческой мысли человека вообще, а новые М. (т. е. новые смыслы и значения слов), обогащая язык, придают ему “национальную физиогномику” (Паси 2003: 576).

М. занимает важное место среди разнообразных форм языковой игры, которыми публицистический текст (ПТ) обычно насыщен. Как и другие формы языковой игры, М. доставляет эстетическое удоволь-

стве, т.е. не только создание, но и восприятие М. является творческим процессом.

М., разумеется, предназначена для адресата, но ее смысл доступен тому, кто может выйти за пределы буквального значения и осмыслить сходство, подобие двух реальностей. В связи с этим И. Паси пишет, что способность воспринимать М. предполагает подвижное, а не застывшее мышление, мышление, которое с легкостью переносится из одной реальности в другую, которое понимает этот перенос и восхищается им (Паси 2003:647).

Т.е. здесь, как и при восприятии других форм языковой игры, нужны определенные фоновые знания – сознание должно быть подготовленным, в нем должны быть элементы культуры, чтобы найти подобие и осмыслить его. Смысл М., как подчеркивает И. Паси, зависит не только от словесного, но и от несловесного контекста, к которому относится природная, общественная и культурная среда – в ней человек живет и создает свои М. (Паси 2003:636).

ГМ и ее характеристикам посвящено немало исследований в разных лингвистических дисциплинах – в стилистике, социолингвистике, лингвокультурологии, политической лингвистике. Особенно актуально сопоставительное исследование М. в разных языках. Такой интерес к изучению ГМ вполне оправдан, и в первую очередь тем, что М. как универсальное языковое свойство, как необходимый и неизбежный элемент любого языка функционирует по-разному в разных языках. Это проявляется в различной активности различных метафорических моделей и отдельных их элементов, в наличии или отсутствии различных оценочных оттенков в М. и т.д.

В настоящей работе анализу подвергаются ГМ, функционирующие в русском и болгарском языках. Цель его – исследовать роль М. в создании картины мира русских и болгар, сходства и различия в метафорическом отражении мира в русском и болгарском языках. Такое сопоставление, как нам кажется, представляет интерес прежде всего с т.зр. близости двух языков, а также с т.зр. экстралингвистических условий создания М. в них – известно, что особенности развития общества в России и Болгарии в последние годы одинаковы, т.е. одинаковы особенности мира, рождающего метафоры. Тем не менее, анализ ГМ позволяет обнаружить множество различий в метафорическом

осмыслении мира русскими и болгарскими, подтверждающие несопадение картин мира в разных языках.

Чаще всего рассмотрение М. проводится с учетом источника метафоризации, т. е. области, сферы, откуда они берутся, по-другому – в зависимости от тематической принадлежности вспомогательного субъекта. Такая классификация, как отмечает В.П. Москвин (опираясь на Г. Пауля), представляет интерес не только для филолога, но и для историка и культуролога, поскольку различные группы М. могут показывать, какие интересы, какие идеалы составляют основу культуры на определенном этапе ее развития (Москвин 2000: 67).

Основные группы М. в русском и болгарском языках (по данным публицистики) можно определить следующим образом: *медицина, спорт, театр, путь, война*. К ним нередко добавляют: *еда, животный мир, явления природы*. В сетевой энциклопедии “Кругосвет” в группы М. включают также *охота, механизм* и т.д. (krugosvet.ru) О.Н. Григорьева относит к группам М. в политическом дискурсе и темы *еда, апокалипсис, криминал*. (Григорьева 2003:177) Разумеется, такое обозначение групп во многом условно – например, к театральной М. относят различные виды “зрелищ”, к спортивной М. – разные игры и развлечения и т.д. Именно эти основные группы М. подвергались уже анализу, в том числе и в наших работах (см. Ермакова 1996, Чудинов 2001, 2002, Цонева 2000 и др.). Именно эти основные, ключевые М. являются основой картины мира, которая представлена в русских и болгарских ПТ.

Иногда М., которые относятся к этим группам, определяют как стандартные, стертые, строевые (частотность некоторых М. объясняет и возможность их лексикографической обработки) (см. Баранов, Караулов 1994). Не следует забывать, однако, во-первых, что в этих “традиционных” группах появляются М. нетрадиционные, неожиданные, яркие, и, во-вторых, что очень часто в ПТ даже знакомые, стандартные М. могут оживляться, актуализироваться, выделяя новые, неожиданные компоненты семантики слова, и, естественно, появляясь в новом, неожиданном контексте.

Именно названные группы ГМ представлены самым большим количеством единиц в русской и болгарской публицистике. Такое совпадение источников метафоризации в двух исследуемых языках (как отмечают многие авторы – и в других языках) позволяет говорить об универсальном характере метафорического переноса.

Активную метафоризацию слов из перечисленных тематических групп или метафороспособность слов в этих группах можно объяснить в первую очередь важностью для общества в определенный период понятийной области-источника. Именно актуальность, популярность названных понятийных сфер, их социальная значимость обуславливают актуальность и значимость М., перенесенных из этих сфер в область политики. То, что метафорический перенос затрагивает группы слов, которые наиболее актуальны, проявляется и в разной степени активности М. в разное время. Например, М. *дом, строение* была очень активна в годы перестройки (вспомним в связи с этим словосочетание *архитектор перестройки*). Актуальность, злободневность публицистического языка проявляется и в М. – различия в активности метафоризации определенных лексических серий и единиц можно обнаружить при сравнении даже очень коротких периодов времени. В связи с этим можно отметить работы А.Н. Баранова, в которых исследуются М., появившиеся в российской прессе в течение одного месяца (август 1998 г.) как отражение глубокого финансового и политического кризиса. (Баранов 2003) Известно, например, что в предвыборных ситуациях активизируется т.наз. военная М., а также М. движения, пути. Именно такие М. были исключительно активны в болгарской публицистике в начале 2001 г., накануне парламентских выборов – они отражают, с одной стороны, противостояние политических сил и, с другой стороны, важную для общества тему выбора пути, направления движения страны (см. Цонева 2001).

Метафороспособность слов обусловлена также самим их значением – очевидно, что активнее метафоризируются слова с широким, емким значением. В ГМ однако актуализируются только некоторые семы, иногда – не самые важные; другие компоненты значения, наоборот, уходят на задний план. Например, в театральных М. нередко на первый план выходит элемент развлекательного, “несерьезного” зрелища, в спортивных М. чаще всего отсутствует элемент *fear play*, честного соревнования, в военной М. нет элемента победы, поскольку на первый план выходит противостояние и т. д.

При метафорическом переносе к словам из области-источника добавляются новые свойства, новые компоненты – М. обогащает их, подчеркивает в них новые, нередко неожиданные аспекты.

На наш взгляд, использование М. из различных областей в одном тексте можно объяснить именно тем, что в них актуализируется признак, который, вместе с ярко выраженной негативной оценкой, объединяет эти слова. Например, в тексте *Президентски страсти без корона* (Сега 2006/92), посвященном предстоящим президентским выборам в Болгарии, используются одновременно слова, связанные с карточной игрой, со спортом, с войной – выделяемые в них оттенки создают общее впечатление нечестного поединка с использованием запрещенных приемов; эта общая идея, как и ярко выраженная негативная оценка предвыборной ситуации объединяют слова из разных сфер-источников.

Многие М. из основных тематических групп имеют богатую историю. Это прежде всего М. из тех понятийных областей, которые легко и естественно можно переносить в область общественной жизни, политики; легко и естественно, например, сравнивать человеческую жизнь с игрой, представлением, битвой и т.д., общество – с человеческим организмом со всеми его особенностями и т.д. Е.О. Опарина, например, уделяет внимание богатой истории “взаимообмена” тропами между областью медицины и общественными науками (Опарина 2002: 198). В глубокой древности, по мнению И. Паси, можно найти истоки театральной М. Допуская, что Шекспир (с именем которого обычно связывается М. “жизнь – сцена”) вряд ли читал древних авторов, он говорит о спонтанном появлении одних и тех же М. у разных людей, без литературного или другого влияния (Паси 2003: 612). В энциклопедии “Кругосвет” отмечено, что об обществе как доме, здании принято думать со времен К. Маркса; говорить об обществе можно в терминах строительства, воздвижения здания, разрушения, а коренные изменения в обществе определяются как *перестройка* (krugosvet.ru).

Спонтанное использование одинаковых М. разными людьми, а также их устойчивость, их “вечную жизнь” И.Паси объясняет самим естеством М. – в ней есть замена двух похожих реальностей (Паси 2003: 612). С другой стороны, он же определяет М. из близких, сходных областей как “измученные, немощные”, даже как “квазиметафоры” (Паси 2003: 559).

ГМ нередко можно определить как сильные, яркие, если они берутся из областей далеких, неожиданных, если дистанция между сферами большая. Яркая, сильная М. обнаруживает и выделяет сходство в далеком, неожиданном, она является нереальным сочетанием двух реальностей. Хорошую М., отмечает И. паси, можно определить как

“отдаляющееся приближение” – из чужой, далекой области можно посмотреть на предмет если не полнее, то по крайней мере с другой, новой точки зрения (Паси 2003: 560).

Важная особенность ГМ – их ярко выраженная оценочность, чаще всего негативная оценочность (именно негативная оценочность, как хорошо известно, характерна для публицистики вообще).

Перейдем к рассмотрению М. в тематических группах, которые оформились при анализе иллюстративных примеров в нашей картотеке, содержащей внушительное количество примеров метафорических употреблений из русских и болгарских газет и журналов, вышедших в последние 7-8 лет.

Активно переносится в понятийную область политики группа слов, связанных темой *путь, движение*. Еще с глубокой древности человеческую судьбу и судьбу народов сравнивают с кораблем (лодкой) в море (океане, реке, волнах) жизни. Приведем в связи с этим пример: *Така или иначе всички плуваме в житейското море и само онези, които са в съгласие с истинските неща, ще могат да изведат кораба на другия бряг* (Сега 2003/301).

Эта группа М., на наш взгляд, одна из самых богатых и интересных как в русской, так и в болгарской публицистике – тема движения общества сегодня исключительно актуальна. Правда, эта тема была актуальна и в публицистике прежних лет – в то время социалистическое общество шло единственно правильным путем, в светлое будущее, причем ускоренными темпами. В наше время, наоборот, обозначается чаще всего движение замедленное, с многочисленными препятствиями, нередко – без определенной цели (хотя и цель движения болгарского общества, в том числе и сроки ее достижения определены – Евросоюз, 2007 г.). Например: *Мы снова опрометью поскакали “другим путем”. Теперь ползем. Куда? (Труд 1999/72); Накъде вървим, не е ясно. Какво ще правим утре, вдругиден – също. Блуждаем без цел. (Земя 2002/14); След като главната бариера по пътя ни към НАТО бе вдигната, остават само някои вътрешнополитически препятствия. (Новинар 2002/223); Демокрацията ни буксува (Труд 2002/333).*

Как отмечает О.Н. Григорьева, русская публицистика насыщена лексикой “перепутья” – она восходит к типичной для русской сказки ситуации, где герой, стоя на перекрестке дорог, раздумывает, куда идти (Григорьева 2003:172).

К “вечным” русским вопросам, как нам кажется, можно отнести и вопрос *Куда мы идем?* Срв. у А.С. Пушкина: *Громада двинулась и рассекает волны. Плывет. Куда ж нам плыть?*

Самые характерные фреймы здесь – средства передвижения и их важные детали (руль, колесо и т.п.), направление движения, водители. Все они представлены большим количеством ярких М.: *Колымагу российской политики затрясло вроде бы на самом неожиданном месте.* (Моск. новости 2005/25) (Вспомним у В. Высоцкого: *Мою страну, как тот дырявый кузов, везет шофер, которому плевать.*).

Один из самых частотных здесь – образ тонущего судна: *Идеалистов, верующих в возможность спасти тонущее судно, практически нет* (Известия 1998/206). В двух языках этот образ часто представлен словом “Титаник”: *Политический “Титаник” без руля и без ветрил?* (Арг. и факты 2006/12); *Кабинетът е “Титаник”* (Труд 2003/221); *Акцентирайки върху повърхността детайли, също като екипажа на “Титаник” и българският икономически екип пренарежда палубите на кораба, вместо да е нащрек за опасността и да промени курса.* (Труд 2003/221)

Приведем здесь и яркий пример, метафорически представляющий партию “Единая Россия”: *Представляете, какую опасность для стабильности общества будет представлять этот партийный “Титаник”, шатающийся в политическом море без руля и без ветрил? И у которого вместо навигационной системы и двигателя – один большой камбуз? Куда шатнет бюрократическую, не способную к политическому творчеству партию?* (Арг. и факты 2006/12)

Многочисленные М. из этой тематической серии отражают господствующее в русском и болгарском обществе сегодня негативное восприятие движения, пути страны – “не туда идем”, “не те средства передвижения”, т.е. не те правящие силы, “не те водители”, т.е. не те лидеры. Именно такое восприятие развития страны отражается в русских и болгарских СМИ, причем не только в оппозиционных изданиях.

Многочисленны в современной газете и так наз. *военные М.* По мнению Е.О. Опариной, М. войны распространилась на сферу экономики благодаря марксистскому пониманию общественной жизни как борьбы классов (Опарина 2002:198). Анализ современных ПТ позволяет говорить об активности этих М. не только в сфере экономики и политики, но и в сферах жизни вполне “мирных” – *войны* могут быть

хлебными, куриными и т. д. Если судить по активности этих М., то в России и Болгарии сегодня все ведут войну против всех – идет война между партиями, между политиками (как разного, что вполне естественно, так и одного “цвета”), институтами и их представителями и т. д. Поэтому спорным кажется мнение Е.П. Ермаковой, что военные М., исключительно активные в советской публицистике, сегодня можно определить как “отзвук прошлых битв” или “отражение прежнего милитаризма страны” (Ермакова 1996:46-47). Приведенные в ее работе М. типа *идейная борьба, битва за урожай* и т. п. действительно можно отнести к газетным клише, которых современная публицистика избегает, но случаи употребления слов *борьба, битва* и других единиц семантического поля в других контекстах многочисленны. Как подчеркивает А. П. Чудинов, военная М. – яркий признак не только политических текстов советского периода – современная российская действительность (добавим – и болгарская!) рождает немало М. этой модели (Чудинов 2001. III:42). Нередко эти войны (особенно персональные) – короткие, не очень серьезные, они очень быстро становятся неактуальными и забываются, иногда даже до того, как с политической сцены сходят участники этих сражений.

Можно сказать, что М. войны охватывает современные СМИ – любое несогласие, любой конфликт обозначается как война, война представлена как самое естественное состояние общественной жизни. Имея ввиду роль СМИ в формировании общественного сознания, можно говорить об опасных последствиях использования военной М. – она может активизировать воинственные настроения, а также “образ врага” (а врага, как известно, в наше время в любой стране несложно найти – это могут быть люди другого цвета кожи, другого общественного положения, другой религии и т.д.). А.П. Чудинов пишет в связи с этим: “Военная метафора навязывает обществу конфронтационные стереотипы решения проблем, ограничивая поиск альтернатив в их решении и в социальном развитии. Мы излишне часто вспоминаем поговорку “На войне как на войне”, забывая о том, что метафорическая война ведется в условиях мира, а в мирной жизни законы военного времени не применяются. Типичная метафорическая атака – это всего лишь элемент дискуссии, цель которой – поиск истины, а не физическое уничтожение противника” (Чудинов 2001. III: 43).

Бесспорно, самые употребительные М. здесь – война, борьба, битва (болг. *война, борба, битка*), отнесенные, как уже отмечалось, не только к области политики, но и к другим сферам жизни: *Скоро год, как началась война молодых реформаторов с группой крупных предпринимателей страны* (Комс. правда 1998/84); *Новые правила битвы за Кремль* (Спутник-Новости 2002/41); *Спецслужбе и СДС са във война* (Сега 2001/62).

На военной М. (как, впрочем, и на М. других групп) могут строиться целые тексты. Например, текст *Войната в СДС е реална като тази в Кербала* (Сега 2004/4) посвящен “расстановке сил” в основной правой партии в Болгарии и включает многочисленные метафорические обозначения: *лагер, открыта война, армии, войска, офицери, огнева линия, удар, воювам* и т. д.

По мнению В.П. Чудинова, русская военная М. часто имеет положительную окраску, что связано с традиционным для русских уважением к военной силе и силе вообще (Чудинов 2001. III: 48). Заметим, что в болгарской военной М., если исходить из примеров в нашей картотеке, положительная оценочность отсутствует.

Одна из старых М. – так наз. *медицинская М.* Она связана со знакомым с древности уподоблением общества живому организму, прежде всего организму больному. Историю “взаимообмена” тропами между сферами медицины и политики, как мы отметили, упоминает Е.О. Опарина – в конце 18 в. появилась метафора *тело общества (social body)*. Эта и подобные М. являются выражением понимания, что общественные процессы можно объяснить физиологией, а законы общества должны основываться на законах природы. Позже в медицине стали использовать термины из общественных наук (например, обозначение болезни как бунт, беспорядок) (Опарина 2002: 198).

Медицинская лексика в современной публицистике представлена богатым набором единиц, перенесенных в поле политики, общественной жизни вообще. Активность этой тематической группы тоже объясняется естеством М., похожестью реальностей – в данном случае организма человеческого и организма общественного. Приведем здесь интересный пример использования медицинского термина в двух значениях: *Не такой ли редкой формой поражена наша политическая жизнь? Медицинская гангрена – это когда происходит омертвление тканей, закупорка кровеносных сосудов. Политическая – это когда утрачивается гибкость вл-*

асти, ее чувствительность к сигналам, идущим от жизни и от людей (Арг. и факты 2006/8). Естественно, активность медицинской М. можно объяснить и важностью, значимостью семантического поля “медицина” для человека.

Активные фреймы здесь – названия болезней, их возбудителей и симптомов, способов и средств лечения и т. д. Общая особенность “болезней” русского и болгарского общества и различных его сфер – они чаще всего серьезные, нередко – в тяжелой, хронической форме или не поддаются лечению. Например: *Метастазы кризиса* (Арг. и факты 1999/33); *Армейская гангрена* (Арг. и факты 2006/5); *Агонията в СДС ще продължи чак до следващите парламентарни избори* (Сега 2003/253); *Здравната реформа изпадна в колапс* (Труд 2002/302).

Естественно, средства лечения “прописывают” радикальные, нередко – получаемые от зарубежных доноров или врачей: *Девальвация – это очень сильнодействующее средство. Когда больной умирает, ему надо делать электрошок, укол в сердце, чтобы оно заработало* (Арг. и факты 1999/33); *Евролевицата е в продължаваща електорална кома. Без радикална операция тя не може да бъде спасена* (Сега 2000/18).

Примета времени – активизация названий психических заболеваний, которые можно отнести к обществу в целом и разным его сферам: *Импичмент как картина политического безумия* (Лит. газета 1999/15); *Повсеместна шизофрения е обхванала държавницата* (Сега 2003/3). Психиатрическим больницам уподобляются важные институты и организации: *Атмосфера дурдома, воцарившаяся в Думе, требовала своего определения* (Лит. газета 1999/19).

Почти везде в русских и болгарских медицинских М. не выражается надежда на оптимистический исход, на выздоровление больного общества.

Интерес представляет сравнение медицинских М. в разное время (как, впрочем, и М. других групп). А. П. Чудинов отмечает, что, если в начале 20 в. Советский Союз представляли как “страну-подросток”, то Россия сегодня – очень больной человек, нуждающийся в интенсивном лечении. (Чудинов 2001. II: 36) Отметим также, что в публицистике прежних лет медицинские М., как и другие М. с ярко выраженной негативной оценкой использовались преимущественно для характеристики капиталистического общества.

К продуктивным метафорическим моделям относится и уподобление действительности *игре*, и прежде всего – *спортивной игре*. Например: *Игра в президентские выборы* (Смысл 2003/10/); *Вокруг Черноморского флота по-прежнему ведется большая геополитическая игра* (Смысл 2003/10).

К этой группе можно отнести довольно разные по своей сущности игры – развлекательные, спортивные, азартные. Политическую жизнь часто сравнивают со спортивным состязанием, а политиков – с игроками. “Удобны” для такой метафоризации, с одной стороны, названия командных видов спорта, с другой стороны, названия видов спорта с ярко выраженным элементом противоборства (*бокс, борьба*).

Многочисленны М., которые связаны с футбольной игрой – названия команд, игроков, элементов игры: *Такое впечатление, что у нас на московском политическом поле играют две разные команды. Одна народная – “Спартак”, другая – “Челси”?* (Арг. и факты 2006/8); *За вътрешната си политика той обаче получи червен картон на 17 юни.* (Труд 2001/163).

Активно метафоризируются слова из области шахматной игры – ее близость с политикой можно видеть в наличии сложных ситуаций (т.е. партий), требующих определенных серьезно обдуманных действий (т.е. ходов) политических субъектов (т.е. фигур): *Федеральные власти играют против столичных в политические шахматы. До шаха королю – еще два хода* (Моск. новости 2005/34); *Най-сетне третият значим играч на нашата шахматна дъска – левите, в бърз темп решиха един важен въпрос* (Сега 2001/150); *Царят се опитва да разиграе царски гамбит – да пожертвува фигура, за да си открие поле за атака и да спечели играта* (Седем 2003/3). Нередко и здесь могут быть элементы, нарушающие правила игры: *Судя по тому, как складывается ситуация в шахматной партии по правилам бокса, которую ведут московское правительство и Сергей Кириенко, ветхозаветный план вряд ли работает* (Веч. Москва 1999/123). Любопытно в связи с этим обратиться к Й. Хейзинге. Он отмечает (еще в 1938 году!), что игровой элемент потерял свое значение во всех областях, что современную культуру уже почти не играют или игра оказывается фальшивой, и это относится прежде всего к содержанию современной политики как явления цивилизации (Хьойзинха 1982: 224).

К приметам времени в этой группе можно отнести активизацию М., связанных с различными азартными играми (карточная игра, домино, рулетка и т. п.). Разумеется, их объединение довольно условно, но конкретные метафорические употребления различных азартных игр сближаются наличием в них семантического компонента “шанс, случайность, везение”. Естественно, отнесение таких слов к серьезной области политки, где следует рассчитывать на другие факторы и качества игроков, связано с выражением яркой негативной оценки. Например: *Затянувшаяся, с привычным передергиванием карт игра политической элиты в очко в самом разгаре. Все отчаянно блефуют – и жестко обороняющийся Ельцин, и оппозиция* (Слово 1996/1236); *Опозиция и власт играют див покер* (Труд 2004/329).

К традиционным М., в том числе и для газеты, относятся и М., которые обычно определяют как *театральные*, хотя к ним относят все, что связано со сценой, спектаклем, зрелищем вообще. Связь жизни с представлением легко обнаружить – мимолетность жизни, то, что все “участники” лицедействуют, выступая в разных ролях, нередко – в масках (например, любящего мужа, преданного друга) и т.д. дают основание заключить: весь мир – театр, каждый человек – актер. Именно поэтому М. “жизнь – театр” одна из вечных М., обреченных на скитальчество, имеющих едва ли не во всех языках (как *живая вода, золотой век* и т.п.) (Паси 2003: 613).

Новые особенности этой старой М. в современной газете – в ее активизации вообще, как и в расширении круга лексических единиц-метафор, в новых контекстах (показательно, например, что почти все “театральные” слова сочетаются с прилагательным *политический*), в новых ассоциациях. Обозначение русского и болгарского общества, политической жизни как представление, спектакль, как зрелище вообще исключительно актуально. О. П. Григорьева справедливо подчеркивает: “Театр и политика зеркально отражаются друг в друге” (Григорьева 2001:147). Приведем примеры: *Впрочем, пока все действующие лица российской политической сцены вроде бы собираются на отдых* (Век 1999/24); *Обаче горчивият опит ни сочи, че на демократичната сцена на многострадалното ни отечество цари тотално объркване в ролите на Добрия и Лошия* (Труд 2001/305).

Метафорическая модель *театр*, как и многие другие в газете, имеет ярко выраженную негативную оценочность, прежде всего потому, что в

театральной лексике актуализируется сема игры, имитации, неискренности, ненастоящей жизни. Затушевываются, уходят на задний план другие семантические компоненты – интересный сценарий, мастерство актеров, эстетическое наслаждение публики и т.д. Аудитория здесь – чаще всего только пассивные наблюдатели политического шоу, сценарий обычно навязывается кем-то сверху или из-за рубежа, действующие лица – не более чем послушные чужой воле марионетки, увлеченные закулисными страстями и т.д. Ср.: *Просто я понимаю, что все эти политики – куклы, а кукловоды-то совсем другие.* (Арг. и факты 2004/48); *Имам чувство, че за нашата сцена се надпреварват двама сценаристи. Единият е повече източноевропейски, другият е зад океана. А ние лювим семки и чакаме **развързката**.* (Сега 2001/138); *Но за какво му е на българина кино – 14 г. е публика на грабежа в държавата* (Труд 2004/67).

Такого типа М. дают основание А.П.Чудинову писать: "В соответствии с рассматриваемой моделью в последнее десятилетие прошлого века на политической сцене по заранее разработанным сценариям и под руководством опытных режиссеров разыгрывались комедии, трагедии и фарсы, в которых играли свои роли актеры (иногда по подсказке суфлеров). Особое внимание зрителей привлекали иностранные гастролеры. Иногда восторг у публики вызывали и провинциальные артисты (например, из Ставрополя, Екатеринбурга и Нижнего Новгорода), исполнявшие главные партии в "Большом театре" (Чудинов 2002.V:48).

К новым М., активным в последние годы и недопустимым в социалистической прессе, можно отнести названия развлекательных, "несерьезных" жанров (цирк, шоу, фарс, комедия и т.п.), которыми обозначают серьезные, важные сферы жизни, а также важнейшие в государстве институты (правительство, парламент, суд и т.д.). Например: *Кадровая революция, начавшаяся полтора месяца назад в Госдуме и состоявшая в лишении коммунистов ряда ключевых постов, завершилась вчера настоящим **фарсом*** (Моск. комсомолец 2002/110); *С цирк завърши вчера последният работен ден на парламента за тази година* (Труд 2003/352). Наряду с этими группами, которые представлены большим количеством единиц, можно выделить и группы менее значительные по объему. Такой является т. наз. *финансовая М.* Употребление такой М. можно объяснить все возрастающей важностью финансово-экономической сферы (банковского дела, торговли и т.д.)

для широких слоев населения и в России, и в Болгарии. Сюда можно отнести следующий пример: *България е относително малък детайл във вечната световна търговия с интереси. Решаващо е на кой рафт в големия супермаркет сме се наредили и в кой раздел сме* (24 часа 2003/71).

Важные фреймы здесь – деньги, товары, экономическая деятельность, но в нашей выборке преобладают примеры, связанные с торговлей. Ср.: *На партийной ярмарке России пока нет структуры, готовой предложить среднему классу близкую ему идеологию* (Спутник-Новости 2002/42). Тема торговли, купли-продажи, отнесенная в область политики, к сфере отношений между партиями особенно актуальна в предвыборных ситуациях. Такие М. с ярко негативной окрашенностью, по крайней мере по данным нашей картотеки, активнее в болгарском языке. Например: *Разгърнаха политическата сергия* (Новинар 2001/215); *“Пазарлък” е статистически най-често срещаната дума, когато се говори за тайните срещи по тъмни доби между Симеон Сакскобургготски и Ахмед Доган* (Сега 2003/298).

Метафорическая модель *дом, строение*, как уже было отмечено, относится к старым, традиционным. Активность таких М., отражающих желание построить новое демократическое общество, как мы уже отмечали, возросла в годы перестройки. В современной газете, однако, эта метафорическая модель не актуальна, и это показательно – в сфере политики нет желания строить, обустраивать страну, в лучшем случае говорится о ремонте: *Мы привыкли смотреть на места обитания власти как на государственные святыни. А ведь и в них бывают протечки, и там время от времени нужно делать ремонт. Но судя по тому, как идет жизнь в стране, в ремонте нуждаются не только здания. Есть признаки того, что во власти кое-где протекают мозги.* (Арг. и факты 2006/9) *Ремонт на кабинета – това стана евъргрийн на българските медии* (Сега 2003/85). Более оптимистически звучит следующий пример: *Но главная стройка страны, которую Солженицын называет “сбережением народа”, только начинается* (Арг. и факты 2006/5). Исключительно красноречивым является следующий пример, отражающий ситуацию в современной России: *В стране идет большая реконструкция. Свозят в запасники фальшивые декорации “развитого социализма”. Пытаются заложить фундамент капитализма “с социалистическим лицом”* (Арг. и факты 2006/5).

Важная часть русской картины мира – так наз. *криминальная М.* Она включает следующие фреймы: места лишения свободы, преступники, их сообщества, действия и жертвы, которые представлены интересными примерами (см. Чудинов 2001.1, 2002а). Приведем пример из нашей картотеки: *Чтобы выйти из зоны, народ и власть должны научиться понимать друг друга* (Арг. и факты 2006/5). А.П. Чудинов объясняет активность данной М. в русском языке тем, что в русском обществе “...все шире распространяется миф о всемогуществе преступного мира, о преступлении как единственном средстве добиться справедливости и даже просто выжить, о России как стране преступников” (Чудинов 2001.1, 35). Болгарских М. с таким значением в нашем материале нет.

В современной газете можно встретить и М., которые переносят в общественную сферу *любовно-семейные отношения*. Такие М. немногочисленны, хотя отношения такого рода легко и естественно можно связать с областью общественных отношений – с внешне-политическими отношениями, отношениями между политическими субъектами в стране и т.д. (вспомним словосочетания *семья народов, старший брат*). Ср.: *Вот и сейчас многие в ЕС обеспокоены, как бы новый российско-американский роман не ущемил европейские интересы* (Арг. и факты 2002/27); *Россия, по словам В. Путина, в течение последних 15 лет дарит Украине за политические поцелуи по 3-5 млрд. долларов в год.* (Арг. и факты 2006/6); *Всички десни ухажват Мозер* (Труд 2004/309) Судя по этим и подобным примерам, здесь чаще всего говорится о любовных, не очень глубоких отношениях. “Серьезные” отношения обычно относят в будущее – они или ставятся под сомнение, или представляются как зависимые от внешних факторов. Показателен в этом смысле пример: *Днес големите трябва да определят дата за бракосъчетаването ни с ЕС.* (Монитор 2004/310).

Отмеченную многократно актуальность, злободневность ГМ можно подчеркнуть еще раз в следующих примерах, в которых сложные политико-экономические отношения между Россией и Украиной в последние месяцы представлены как не менее сложные любовные отношения: *Нет сомнения, что, как только на Украине угаснет предвыборный “газовый психоз”, расчетливая украинская невеста снова потянет к нам свои обольстительные губки. А в Москве опять сыщутся небескорыстные любители славянских поцелуев. Но мы наконец, похоже, поняли, во что нам обходятся эти поцелуи. И чем скорее славянская*

любовь будет со всех сторон обставлена брачными контрактами, тем реже мы будем оказываться в положении обманутого любовника (Арг. и факты 2006/6).

Интересными особенностями метафорического употребления отличаются слова, которые относятся к семантическому полю *еда*. Чаще всего это названия самых разных блюд, которые используются, как правило, с ярко выраженным негативным оттенком для характеристики общества или отдельных его элементов, политической жизни и т.д. Почти во всех случаях актуализируются далеко не основные семантические компоненты, а значение “еда” остается на заднем плане или вовсе не проявляется; кроме того, почти везде еще раз можно подчеркнуть важнейшее значение контекста для формирования оценки, прежде всего – негативной. Например: *Вспомним недавний “бунт” улицы по поводу похабной монетизации. Пошумели, помахали плакатами, получили от власти глазированный пряник и разошлись* (Арг. и факты 2005/44); *Вече имам захарен памук и в ушите. Толкова много бъдеце, и всичкото хубаво, живописват управляваците, че се чудя дали България, в която живея, е истинската* (Труд 2005/47).

Разные в принципе вещи, как *жвачка* (болг. дъвка) и *попкорн* сближаются тем, что в них актуализируется значение “что-нибудь развлекательное, чаще всего заграничное, имеющее вредное влияние”. Например: *Голливуд штампует фильмы, как солдатиков на конвейере, “ручная” работа здесь редка, а голос художника с трудом пробивается сквозь жвачку масскультуры* (Итоги 2003/12); *Заметьте, Восток тоже берет что-то у Запада, но это, как правило, не лучшие образцы – “Макдональдс”, киноиндустрия, шоу-бизнес. В общем, масскульт, своего рода идеологический попкорн* (Арг. и факты 2003/42); *Бубль-гам для мозгов* (Новая газета 2003/39) – заглавие текста о вредном влиянии телевидения на развитие детей; *Любимата дъвка на глобализирания читател е все така Дан Браун* (Сега 2004/289).

Названия абсолютно разных блюд становятся контекстуальными синонимами благодаря наличию в них общей семантической идеи – например, общего значения “неоднородная смесь разных элементов”. Например: *При таком правительственном винегрете, который мы сегодня наблюдаем, когда нет единой программы выхода из кризиса и ее не будет – это правительство просто не в состоянии ничего родить* (Арг. и факты 1998/39); *Това полуобразование е горчив компот от стар*

социализъм, Интернет и масмедии (Новинар 2005/26); *Неповторим на вкус е забърканият тюрлюгювеч от имена в новия кабинет* (24 часа 2001/46).

Бесспорно, самая интересная М. в этой группе – *пирог*. Почти во всех случаях слово используется для обозначения чего-то привлекательного, обычно в финансовом отношении, чего-то прибыльного, “лакомого куска”. Например: *Нефтяной пирог – в зоне особого внимания* (Итоги 2003/37); *Получается, что именно эти магнаты и становятся ведущими партнерами России по продаже в Греции российских нефти и газа, оттеснив всех других претендентов на жирный энергетический пирог* (Моск. комсомолец 2001/276). Семантический оттенок “привлекательные социальные права” актуализируется в других примерах: *Гастарбайтеры, получив российские паспорта, возможно, и станут платить налоги. Но в обмен они потребуют “мусульманской доли” политического пирога, социальной защиты, пенсий* (Арг. и факты 2006/15).

Уподобление власти или государства вообще пирогу, очевидно, не ново. Возмущение “потребительским отношением” к стране эмоционально выражено в словах русского классика М. Салтыкова-Щедрина, приведенных в ПТ: *Отечество-пирог – вот идеал, дальше которого не идут нахальные умы. Отечеству надлежит служить, а не жрать его* (Арг. и факты 2006/10).

Болгарское слово *баница* в какой-то степени соответствует семантически русскому слову *пирог*, однако намного богаче по экспрессивности и богатству ассоциаций. Эта М. исключительно активно используется в последние годы для обозначения чего-либо выгодного - прибыльной сделки, “денежных” отраслей экономики, а также власти вообще, власти как олицетворения богатства. Поэтому в метафорическом употреблении *баница* получает соответствующие определения: *приватизационна, пазарна, народна, държавна*. Не только эти определения, но и более широкие контексты М. позволяют заключить, что *баница* – мечта, что-то вроде идеала для болгарских бизнесменов и прежде всего для политиков, т.е. для людей, у которых есть возможности разбогатеть незаконным путем. Например: *Новогодишната баница е за народа, а приватизационната – за приятелските кръгове.* (168 часа 2001/51-52); *Просто у нас вече не остана нищо за прибиране. Политиците отдавна си разпределиха държавната баница* (168 часа 2002/23).

Такие же оттенки значения актуализируются и в метафорическом употреблении слова *торта*, но в нем нет такого богатства ассоциаций: *Понеже американските фирми вече са спечелили договорите, а и за съюзниците от коалицията трябва да има парче от тортата* (Сега 2003/88).

К традиционным в ГТ можно отнести метафорические употребления названий животных, которые иногда определяют как “зоополитические шутки”. В газете, как мы уже отметили, традиционные М. обычно актуализируются, употребляясь в новых, нередко неожиданных контекстах. Например: *Самые стойкие акулы пиара и бизнеса выстояли за полночь* (Огонек 2003/26); *Киты мирового бизнеса предпочитают давать советы России, а деньги Китаю* (Рос. газета 2005/45). Нередко различным представителям животного мира уподобляются политические субъекты – каждому из них находится эквивалент в царстве животных; например, в тексте *Политически зоопарк* (Новинар 2002/222) болгарские политики уподобляются, причем довольно метко и экспрессивно, камелеону, волку, лисице, хорьку и т.д.

Как нетрадиционные, но очень интересные можно определить многочисленные М., которые относятся к различным сферамисточникам, которые невозможно объединить в тематические группы. Многие из них относятся к понятийным областям “неожиданным”, которые не так легко связать с общественной жизнью. Например: *Москва – гигантский бермудский треугольник. Город-сказка, город-мечта, попадая в его сети, пропадаешь навсегда.* (Моск. комсомолец 2001/269); *В продължение на 15 години арсеникът на злополучното управление ни докара дотам, че да бъдем първенци по ниска раждаемост, висока смъртност и застаряло население в Европа* (Труд 2003/349).

Во многих подобных М. налицо смелый, неожиданный перенос - актуализация определенного семантического компонента, нередко не основного в значении слова, делает их исключительно экспрессивными. Например: *“Бедная Настя” – это в каком-то смысле шестисотый “Мерседес” среди сериалов* (Арг. и факты 2003/44) – в данном примере в названии автомобиля актуализируется семантический компонент “самый лучший, первоклассный”, который переносится на объект; *Тия дни много ще се говори за “Атака” – безспорно тя е явлението на деня – взе почти 9 процента или 400 хиляди гласа при пълнен Шенген. 24 часа*

2005/171 – в слове *Шенген* здесь актуализируется значение “ограничения, препятствия”.

Особый интерес представляют М., называющие предметы и явления, появившиеся в самые последние годы, отражающие “дух времени”. Например: *Борисов и Димитров – самотните батмани на царския фронт* (Монитор 2001/945) – именем популярного героя американского фильма обозначаются политики, которые всегда в состоянии помочь, разрешить сложные ситуации в партии НДСВ.

Некоторые из них – довольно смелые, их можно отнести к “запретным темам” в газетах недавнего прошлого (например, область сексуальных отношений): *Если денег не даст Кремль и национально мыслящий капитал, то виазгру для демократии пришлют заморские доктора. Но тогда наша демократия будет “стоять” по их хотению. А демократический оргазм будут получать все те же вчерашние танцоры* (Арг. и факты 2006/10).

Специального исследования заслуживает метафорическое употребление предикатных слов – прилагательных и глаголов. Его возрастающая активность в современных ГТ, на наш взгляд, опровергает представление, что эти части речи метафоризируются редко.

Наше исследование, как и исследования других авторов, позволяет обобщить, что ГМ – важный элемент языка как “зеркала культуры”, отражающего окружающую действительность, условия жизни людей, особенности мировоззрения и национального характера и т.д. Картина мира, которую формируют русские и болгарские М. в публицистике, выдержана скорее всего в мрачных, пессимистических тонах. Слова А.П. Чудинова о русской картине мира, отраженной в газете, в полной мере можно отнести и к Болгарии: “Остается надеяться, что российский политический дискурс нового века будет способствовать актуализации совсем других метафорических моделей и лингвисты нового поколения отметят такие модели, как *Россия – мать, Россия – цветущий сад, Россия – страна торжества закона и справедливости, Россия – летящая птица, мчащаяся вперед тройка*” (Чудинов 2002 а:110) Имея в виду “магию печатного слова”, силу влияния масс-медиа на мировоззрение и поведение современного человека, можно надеяться, что именно такие метафоры, внушая оптимизм, веру, желание строить, смогут показать варианты решения проблем, выхода из мрачной действительности.

Литература

- Арутюнова Н.Д., 1979, *Языковая метафора (Синтаксис и лексика)*, Лингвистические исследования, Москва.
- Баранов А.Н., 2003, *Политическая метафорика публицистического текста: возможности лингвистического мониторинга, Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования*, Москва.
- Баранов А.Н., Караулов Ю.Н., 1994, *Словарь русских политических метафор*, Москва.
- Григорьева О.Н., 2001, *Политический театр и его репертуар в языке газеты, Слово. Грамматика. Речь. II*, в. 3, Москва.
- Григорьева О.Н., 2003, *Публицистический стиль в системе функциональных разновидностей языка, Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования*, Москва.
- Ермакова О.П., 1996, *Семантические процессы в лексике, Русский язык конца XX столетия (1985-1995)*, Москва.
- Лингвистический энциклопедический словарь*, 1999, Москва.
- Москвин В.П., 2000, *Русская метафора: параметры классификации, Филологические науки*, № 2, Москва.
- Опарина О.П., 2000, *Исследование метафоры в последней трети XX в., Лингвистические исследования в конце XX в.*, Москва.
- Паси И., 2003, *Метафората, Избрани произведения*, т.6, София.
- Санников В. З., 1999, *Русский язык в зеркале языковой игры*, Москва.
- Солганик Г.Я., 2002, *О специфике газетно-публицистической метафоры (и метафорики)*, *Слово и контекст*, Москва.
- Телия В.Н., 1988, *Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира, Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира*, Москва.
- Хьюйзинга Й., 1982, *Ното ludens (Исследване на игровия елемент на културата)*, София.
- Цонева Л., 2000, *Езиковата игра в съвременната публицистика*, Велико Търново.
- Цонева Л., 2001, *Метафората в българската публицистика*, Дни на науката, Велико Търново.
- Чудинов А.П., 2001, *Россия в метафорическом зеркале*, I-III, *Русская речь*, № 1, 3, 4, Москва.
- Чудинов А.П., 2002, *Россия в метафорическом зеркале*, IV-VI, *Русская речь*, № 1, 2, 3, Москва.
- Чудинов А.П., 2002 а, *Криминальная метафора в современных СМИ*, *Мир русского слова*, № 5 (13), Санкт-Петербург.

Journalistic Metaphor and the Picture of the World

The paper analyses metaphor in Russian and Bulgarian journalistic discourse. The study is of interest not only because of the similarities between the two languages, but also because of the similarities between the extralinguistic conditions that generate metaphors. The paper discusses major thematic groups of metaphors, specific features of the metaphoric transfer as well as their role in the creation of a picture of the world. The analysis of journalistic metaphors enables us to find the similarities and differences in the metaphoric picture of the world of Russians and Bulgarians.

Key words: *metaphor, elements of metaphoric transfer, journalistic metaphor, picture of the world.*